

Я никогда не писал рецензии на сборники поэзии. Дело неблагодарное. Поэты публикуются много, их тексты разнообразны — и по уровню, и по аудитории. У каждого текста найдется свой читатель, который заранее любые рассуждения о любимой книге воспримет в штыки. Но появление книги «Остров» Анны Ревякиной нельзя обойти молчанием по причине, которую я попробую объяснить ниже.

Для начала хотелось бы несколько слов сказать о поэзии вообще. О современной, естественно, поскольку проверенные годами тексты прошлых десятилетий и даже прошлых веков трогать с позиции нашего времени не годится. Они, как жена Цезаря, вне подозрений.

Разговор о современных поэтах и их творчестве не будет самоцелью, он поможет понять, какое же положение в современном литературном процессе русскоязычного пространства занимают стихи Анны Ревякиной.

Итак...

Для себя я выделяю три вида современной поэзии. Сразу должен заметить: я не литературовед, скорее, натуралист, наблюдающий за поэтами в естественной среде их обитания. Волей-неволей приходится как-то обобщать, систематизировать и делать определенные выводы.

Первый вид поэзии я назвал бы поэзией «на потребителя». Когда-то существовало такое понятие, как социальный заказ. Ну, то есть, обществу или социуму, а попросту людям, нужны определенные стихи. Поэты — кто по наитию, кто осознанно — этот заказ берутся выполнять. Хороший пример подобного рода поэзии — эстрада, вернее, тексты песен, где очень редко встретишь нечто, в самом деле интересное с литературной точки зрения, но зато слова легко запоминаются и расставлены таким образом, чтобы понравиться максимально возможному числу слушателей. Но совсем не обязательно поэзия «на потребителя» служит развлечению. В эпоху социальных потрясений — войн, сломов общественного

АННА РЕВЯКИНА

ОСТРОВ

строю, кризисов и дефолтов — люди начинают писать стихи. При этом не слишком задумываются, переходит ли количество в качество. И оно, как правило, не переходит. Тем не менее наблюдается определенный феномен. Даже самые простенькие и малограмотные стихи, скажем, о войне, пользуются популярностью. Их переписывают в тетрадки, их с удовольствием слушают и в тылу, и на передовой, их учат дети. Борьба с этим явлением бессмысленно, да и несправедливо. Все равно ведь жизнь расставит приоритеты по своим местам, пройдет десять-двадцать лет — и в людской памяти останутся истинные произведения искусства, которые выкристаллизуются из насыщенного раствора общей поэзии.

Второй вид поэзии я условно называю салонной. В отличие от предыдущего типа, она тяготеет к чеканным строкам, оригинальным рифмам, классическим или, наоборот, новаторским формам. Она использует смелые метафоры, звучные аллитерации, пишет словами картину, как художник пишет кистью на холсте. Эти стихи нельзя прочесть на митинге или во Дворце культуры поселка городского типа. Не поймут. Обидятся. Осудят. Заклеймят презрением. Да и зачем? Они не сиюминутны, не претендуют на злободневность. Напротив, они заявляют о своем намерении пополнить копилку русской, а то и мировой литературы, стать заметной вехой и войти, не побоюсь этого слова, в анналы. Их печатают в толстых литературных журналах. Их читают на поэтических вечерах с довольно ограниченным количеством посетителей, способных понять и оценить труд поэта, широко известного в узких кругах.

Но есть и третий вид поэзии.

Придумывать для него отдельное название — дело пустое и бессмысленное, ибо оно придумано уже давно. Это и есть настоящая поэзия. Или даже так — Поэзия. Она удивительным образом объединяет простоту и сложность, вычурность и доступность, новаторство и традиционализм.

Она подкупает искренностью, берет за душу, проникает в сознание и задерживается там если не навсегда, то на долгий срок. Прочитанная остается послевкусием на языке. Она равно уместна и в литературном салоне, где оценивают красоту метафор и оригинальность рифм, и в блин-даже или бомбоубежище, перед слушателями, для которых главным мерилом любого литературного произведения является искренность.

И чему я, собственно, веду?

Открывая поэтический сборник Анны Ревякиной, читатель должен быть готов к тому, что встретится с Поэзией. С первого же стихотворения его захватит прихотливая фантазия, помноженная на отточенное мастерство. Захватит и не отпустит до тех пор, пока он не перелистнет последнюю страницу и с недоумением уставится на чисто-белый форзац — как, уже закончилось? Не переживай, читатель, будут еще книги. Лучше вернись и перечти полюбившиеся строки из этой. Она того стоит..

*Сама не знаю, как я их пишу
как будто и дышу, и не дышу,
и буквы, превращаясь в отпечатки,
канючат их под утро отпечатать,
передать огласке, высвободить пядь,
как будто словом можно повлиять.*

«Остров» насыщен. Литературный текст в нем плотен. Это не остров Робинзона Крузо, где можно наматывать бесконечные круги, но так и не встретить братьев по разуму. Это, скорее, остров Погибших Нораблей из книги Александра Беляева, поскольку насыщен и даже перенасыщен обитателями. Они теснятся, часто толкаются лонтями и ведут с читателем беседы — иногда длинные, иногда не очень. Ровно такие, какие позволила им хозяйка и повелительница «Острова», которая тоже разговаривает с читателем, как через образы лирических героев, так и авторским голосом.

*Мы уходим в осень и в комендантский час,
в бесконечные стрельбы, в длинные разговоры.
Мы уходим в беззвучный – одними губами – джаз.
Мы уходим в город.*

Для кого как, не знаю, но для меня не секрет, что авторский стиль Анны Ревякиной, будучи самобытным и художественным до 2014 года, за время войны в Донбассе стал филигранным, обрел кинжальную остроту и алмазный блеск. И сама она прошла путь от «девочки-не-ходи-через-площадь-Ленина-в-одиночку» до автора «Шахтерской дочери» — поэмы, которая стала квинтэссенцией стихотворного слова о войне в Донбассе. Появились совершенно новые образы и метафоры. Появилась документальная точность в описаниях, помноженная на тонкую лиричность и проникновенность.

*Мы – певцы этих мест,
мы несем то ли крест, то ли шест,
чтоб взлететь.
Чтобы в небе чертить полосу,
не доступную ни подошве, ни колесу.*

Лирические герои Анны Ревякиной оживают и сходят со страниц, испещренных бунвами и знаками препинания, чтобы уйти в жаркое

донецкое лето 2014-го или сырую по-осеннему зиму 2015-го. А может быть, наоборот, они шагают с площадей и бульваров чернокаменного города До, как она называет свой родной Донецк, в тексты и остаются там жить, соседствуя друг с другом? И сам город вползает в книгу, перетнает в нее из окружающей нас реальности, чтобы стать другой реальностью — поэтической, немного вычурной, но жесткой и правдивой.

*Вези меня, моя белая-белая скорая,
по желтому городу, пропахшему порохом,
жженной листвой, войной.*

*Вези меня по прямой,
прямохонько в рай окраин,
куда не идут трамваи,
где вместо дверей проемы
где в каждом окне окоемы
и души чисты,
словно только спустились с небес.*

Этот город, сам того не ожидая, стал столицей фронта. И Анна Ревякина, «невозможно странная девочка из Донецка», зовет читателей пожить в нем немного, ощутить его дух, его волю и его горе.

Да, справедливости ради стоит отметить, что в книге «Остров», помимо «донецких» текстов, есть и другие, не менее сильные и не менее важные. В нем царит Слово, русское слово. Слово, которое не врет, потому что нельзя врать, находясь на таком уровне эмоционального подъема.

И потому Анну следует читать. Читать, проникаться и насыщаться текстами, которые не врут.